

СТЕПАН ГЕДЕОНОВ
ВАРЯГИ
И РУСЬ

Разоблачение
«норманнского мифа»

Степан Гедеонов

**Варяги и Русь. Разоблачение
«норманнского мифа»**

«Алисторус»

1876

Гедеонов С. А.

Варяги и Русь. Разоблачение «норманнского мифа» /
С. А. Гедеонов — «Алисторус», 1876

«Варяги и Русь» известного отечественного историка Степана Александровича Геденова (1816-1878) – одна из главных книг, наносящих сокрушительный удар по норманнской теории возникновения русской государственности. Впервые изданная в 1876 г., она была сразу отмечена как значительное явление в русской исторической науке, как образец объективности и научной добросовестности. Книга не утратила актуальности и до сего дня является одним из основных пособий для тех, кто изучает происхождение Руси. Адаптирована для популярного чтения.

© Гедеонов С. А., 1876

© Алисторус, 1876

Содержание

Часть первая	5
I. О норманнском начале в русской истории	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Степан Александрович Геденов

Варяги и Русь. Разоблачение «норманнского мифа»

Часть первая «Варяги»

I. О норманнском начале в русской истории

Призванием варяжских князей начинается политическая жизнь Руси; под влиянием нового династического начала Русь вступает на поприще европейской истории.

Значение этого события определяется народностью призванных варяжских князей. Их считали поочередно финнами, хазарами, норманнами; последнее мнение стало господствующим; но при замечательно ученой и совестливой разработке письменных (преимущественно иноземных) исторических документов норманнская система происхождения руси далеко не удовлетворяет существенному требованию русской науки, а именно, объяснению из скандинавского элемента начальных явлений исторического русского быта. Как все вопросы о народных началах, так и варяжский имеет две стороны, письменную и фактическую. К доказательствам письменным принадлежат дошедшие до нас свидетельства, сказания и предположения русских и иноземных летописателей о народности руси и варягов; таковы сказания и мнения Нестора о началах русского государства имени около половины IX века; свидетельства Вертинских летописей о шведской, Ахмед-эль-Катиба и Лиутпранда о норманнской руси, Константина Багрянородного о названиях днепровских порогов и т. д. Взятые отдельно, эти свидетельства подтверждают, при первом взгляде, мнение о норманнстве руси; но, взятые отдельно, свидетельства Григория Турского подтверждают мнение о троянском происхождении франков; Феофилакты – об аварском происхождении славян; Ибн-Гаукалы – о русском происхождении мордвы. Значение письменных документов и их толкований при решении вопроса о спорных народных началах, очевидно, подчинено необходимости согласования различных сказаний и мнений с положительными следами влияния одной народности на другую в отношении к языку, религии, праву, народным обычаям и преданиям. Теперь, удовлетворяет ли норманнская система этим условиям своего значения в области русской науки? Указывает ли она на непреложные, верные следы норманнского влияния на историю и внутренний быт словенорусских племен? Мы увидим противное; увидим не только явное отсутствие норманнского начала в основных явлениях древнерусского быта, но и совершенную невозможность согласовать их существование с предположением о скандинавизме призванных варягов. А в таком случае не вправе ли мы положить, что письменные свидетельства, на которых норманнская школа преимущественно (можно почти сказать, исключительно) основывает свою историческую теорию, или сами по себе неверны, или неверно поняты новейшими толкователями? Рассмотрению этих свидетельств с иной, по моему убеждению, более рациональной точки зрения, посвящена значительная часть моей книги; здесь я должен прежде всего утвердить отсутствие положительных следов норманнского влияния на Русь, а с другой стороны, указать на явное участие в развитии исторического русского быта иного, западнославянского начала.

Немецкие представители норманнского мнения в прошедшем столетии – Байер, Миллер, Тунманн и Шлецер – трудились над древнейшей историей руси, как над историей вымер-

шего народа, обращая внимание только на письменную сторону вопроса. Для них Русь была то самое, что для других ученых немецких исследователей пелазги или этруски; загадочная народность, о началах которой сохранились намеки у греческих и латинских писателей. Находя норманнским подобозвучные имена у первых русских князей, у послов Олега и Игоря, находя шведскую русь в Вертинских летописях, норманнскую в известиях Лиутпранда и Константина, они провозглашали норманнское происхождение Руси, нимало не заботясь о том, отозвалось ли это норманнство в истории и жизненном организме онемеченного ими народа. Что, между тем, по крайней мере Шлецер понимал необходимость воззрения и на фактическую сторону предмета, в этом, при его научной опытности, не позволено сомневаться; дело в том, что для полного и беспристрастного обсуждения вопроса как его предшественникам, так и ему не доставало основательного знания русского языка, русского быта и письменности в связи их с прочими славянскими языками, народными особенностями и литературами. Или не отсюда его односторонний, исключительно норманнский взгляд на первый период русской истории? его невнимание к славянским началам ее? его непростительно вольное обхождение с русскою летописью? Где Нестор мешает ему, он укоряет его вставками; где случай наводит его на факты, явно опровергающие его систему, он или молчит, или довольствуется бесплодным на них указанием; при случае, возьмем для примера хоть бы выдумку понтийских псевдо-*Ρώς*’сов 866 года, он увлекается до изобретений. Созная Перуна и Волоса славянскими божествами, он считает излишним входить в объяснение причин, по которым мнимые норманны Олаф (Олег) и Ингвар (Игорь) и их скандинавские сподвижники клянутся по русскому (норманнскому) закону славянскими божествами, а не Одним и Тором. Он говорит в одном месте: «Надобно быть очень крепку на ухо, чтобы не слышать столь часто повторяемое Нестором, что новгородцы, киевляне и все прочие народы сего государства (дело идет о племенах, принимавших участие в греческом походе 907 года) назвались русами после пришествия варягов»; а в другом, что русами при Олеге и Игоре были еще одни только норманны, т. е. варяги; «владевший народ еще не смешался с прочими; долгое время возвышался Франк над Галлом и все делал один, не принимая в сотоварищество им побежденного» и т. д. Он замечает с удивлением непонятно скорое исчезновение норманнства в именах наших князей, тогда как «германские завоеватели Италии, Галлии, Испании, Бургундии, Картагена и пр. всегда в роде своем удерживали германские имена, означавшие их происхождение»; но как объясняет он этот факт, очевидно, противный норманнству варяжских князей? *неизвестными причинами*, вследствие которых «славяне рано сделались господствующим народом». О языке, праве, обычаях руси и т. д., с точки зрения норманнского влияния на Русь, у него даже нет и помину.

Современная наука не допускает ни молчания, ни изобретений, ни неизвестных причин. Она говорит: если варяги-русь скандинавы, норманнское начало должно отозваться в русской истории, как начало латино-германское в истории Франции, как начало германо-норманнское в истории английской. Не в мнимогерманских именах наших князей и послов их, не в случайных, непонятых известиях Вертинских летописей, Лиутпранда и Константина, – норманнство должно отозваться в самой жизни Руси, в ее религии, языке, праве, в народных обычаях, в действиях и образе жизни первых князей и пришедших с ними варягов. Без полного удовлетворения этим условиям исторического самопознания система норманнского происхождения Руси остается вне права науки, как остается вне права науки система славянского происхождения, покуда хотя одно из возражений норманнской школы будет оставлено без ответа.

Изыскания Круга изданы по смерти его, до приведения их самим автором в систематический порядок. Из статей, имеющих целью указать на живые следы норманнского начала в русской истории, особенно замечательны по содержанию:

№ VII. О языке Руси в IX и X столетиях.

№ VIII. Происхождение и объяснение некоторых русских слов в летописи Нестора и законах Ярослава.

№ X. Мысли о древнейшем устройстве и образе правления Русского государства.

№ XI. О гридьбе при первых русских князьях, в сравнении с учреждением Hirdmenn'ов¹ в Скандинавии.

№ XII. Примечания к известиям Ахмед-ибн-Фоцлана о языке, религии, нравах и обычаях языческой руси в начале X века.

Судя по одним заглавиям этих статей, читатель, конечно, подумает, что для исследователя, подобно Кругу, действительно убежденного в норманнстве варяжской руси, не могло быть недостатка в доказательствах норманнского влияния на внутренний быт русского общества. Выходит противное. За исключением № VIII, в котором Круг выводит самым неудачным образом чисто славянские слова из скандинавских, все остальные нумера или представляют исследования о норманнском языке, праве, норманнских обычаях и пр. без малейшей связи с языком, правом и обычаями так называемых варягов-руси, или указывают на факты, которым следовало бы проявиться в русской истории, если бы варяги-русь были норманны.

Из статьи о языке мы узнаем следующие положения: древнескандинавский язык назывался *Dönsk tunga*, *Norræn tunga* или *Norðgoena*; *так как* варяги были норманны, а при Рюрике множество скандинавов селилось в Новгороде, оба языка – норманнский и славянский – слышались одновременно в Новгороде; *без сомнения*, было даже время, когда норрена там господствовала; знатнейшие из славян, преклоняясь перед троном для снискания благосклонности новых русских, т. е. норманнских князей, *весьма вероятно*, стали вскоре изучать их язык и обучать ему своих детей; простые люди им подражали; употреблению норрены *надлежало* сохраниться на Руси долее, чем в Нормандии, ибо тамошние князья приняли христианство семидесятью шестью годами (в 92) ранее наших; *так как* в эпоху призвания грамота уже существовала в Скандии, *то должно непременно ожидать*, что русы, вскоре призванные оттуда в землю, назвавшуюся от их имени Русью, вместе с норманнским языком принесли с собою и норманнское письмо; из двух экземпляров договоров, заключенных между русью и греками, *вероятно*, один был составлен на скандинавском языке.

На каких доказательствах основаны эти *несомненные* и *вероятные* положения? Они двоякого рода: 1) русские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного звучат по-норманнски. 2) В древнерусском, преимущественно юридическом языке встречаются многие слова, очевидно, германского происхождения, *занесенные к нам норманнами*. Критическое исследование этого последнего положения принадлежит к № VIII: происхождение и объяснение некоторых русских слов в летописи Нестора и законах Ярослава.

Прежде всего и один раз навсегда я делаю следующую оговорку: до нашего предмета не касаются те общеславянские слова, каковы *князь*, *пенязь*, *град*, *хлеб* и пр., которым иные исследователи приписывают доисторическое германское происхождение. Как славяне от германцев, так германцы заняли изрядное количество слов от славян; это общелингвистический, уже давно обсужденный вопрос. «Все эти языки, – говорит Шафарик о славянском, греческом, латинском, кельтском и германском, – имеют многочисленные общие слова, составляющие в чистых корнях своих неоспоримую собственность каждого и для которых было бы бессмысленно отыскивать первенство обладания, напр., нос, *Nase*, *nasus*; око, *Auge*, *oculus*» и пр. К словам, долженствующим обнаружить влияние норманнского языка на русский вследствие призвания варяжских князей, норманнская школа вправе отнести только такие, которые, являя все признаки норманнства, с одной стороны, не встречаются у прочих славянских народов, а с другой, не могут быть легко и непринужденно объяснены из славянских этимологии. Конечно, эти правила не совсем согласны с лингвистическими законами, которыми руководствуются поборники скандинавизма; например, производя слово *болярин* от составного норманнского *ból-prædium*, *villa*, и *Jarl-comes*. Круг замечает, что слово *боляре* существует и в славянской

¹ Телохранители скандинавских конунгов.

Библии, и у сербов, ляхов, рагузинцев, виндов, хорутан и т.д. «Но, – говорит он, – не должно думать, чтобы норманнскому происхождению слова *болярин* противоречило его употребление у болгар *за сто лет до основания государства*. Только *здесь* я не могу этого доказать и отсылаю к моему исследованию о начале Руси». Этого исследования в посмертном издании его изысканий не оказалось. О слове *коляда*, происходящем, по мнению Круга, от скандинавского Jolessen², он говорит, «что многие из этих слов встречаются и в прочих славянских наречиях, еще ничего не доказывает против предположения о норманнстве слова *коляда*. Так напр., русское *коляда*, у сербов *koleda*, у поляков *kołęda*, у краинцев также, у кроатов *koledo*, у босняков *kolenda*, у чехов *koleda*, *kolemgda*; но оно не имеет корня в славянских языках». Что сказать об исторической системе, основывающей свои доказательства на лингвистике этого рода?

Из слов мнимогерманского и норманнского происхождения Круг приводит следующие: князь, пенязь, усерязь, витязь, шляг (sic!), стерляг, пуд, суд, град, грид (sic!), ряд, скот, хлеб, шнек (sic!), полк, вира, месячина, дума, броня, мыто, мытарь, свекорь, кароль, снедь, рыцарь, рухлядь, весь, ремень, люди, нетий, кнут. Эти слова он готовил для нового издания академического словаря. Сверх того, он основывает мнение о норманнском составе Русской Правды на мнимонорманнском происхождении слов *вервь*, *вира*, *говядо*, *гость*, *гривна*, *гридин*, *людин*, *огнищанин*, *скот*, *тиун* и т.д. Он говорит по этому поводу: «Иногда мучаются для отыскания славянских корней для слов очевидно норманнского происхождения, каковы *гридин*, *болярин*, *пенязь*, *вира*, *вервь* и значительное количество других, коих норманнство будет ясно показано». Между тем им исследованы только слова: *князь*, *пенязь*, *дума*, *ябетник*, *тиун* и *гридин*.

Образцовое рассуждение г. Срезневского о словах: *боярин*, *безмен*, *вервь*, *вира*, *верста*, *Господь*, *гость*, *гридь*, *дума*, *князь*, *луда*, *люд*, *мечь*, *мыто*, *навь*, *неги*, *обел*, *огнищанин*, *оружие*, *смерд*, *терем*, *якорь*, *город*, *дружина*, *колокол*, *котел*, *лодия*, *муж*, *стяг*, *холоп*, *цепь*, *челядь*, – избавляет меня от труда доказывать славянство их происхождения и общность у всех славянских народов. Но я не могу допустить с г. Срезневским и того десятка слов происхождения сомнительного или действительно германского, о которых он упоминает и к которым причисляет слова *тивун*, *шилник* и *ябетник*. Слова, каковы напр., *шилник* и *инека* не идут к вопросу о норманнском происхождении Руси; их позднейшее происхождение от германского и скандинавского языков имеет известное историческое основание в торговых и иных сношениях Новгорода с шведами и немцами в XII–XIV столетиях и доказывает происхождение руси от норманнов, как английские, голландские и французские слова в русском языке доказывают происхождение руси от англичан, голландцев и французов. Что касается до прочих слов, встречающихся в древнейших памятниках нашей письменности и означающих основные русские учреждения, они, как и приведенные выше у г. Срезневского, все объясняются из славянских источников или перешли к нам славянским путем. Из этих, у г. Срезневского необъясненных или допускающих иные, дополнительные объяснения слов, я привожу следующие:

Боярин. Круг производит слово *боярин* от скандинавского *ból-praedium*, *villa* и *Jarl-comes* и считает форму *болярин* древнейшей. Та же форма и у болгар; Феофан пишет *βοῖλάδες*; Конст. Багр. *βοῖλάδες*. Слово *боляре* в книге Эсфирь I, 6, вероятно, позднейшая вставка. Погодин принимает словопроизводство протоиерея Сабинина от исландского *baear-villa*, *praedium* и *menn* – мужи; *baear-menn* – мужи града. Г. Куник полагает, что слово *болярин* есть не что иное, как славянская форма народного *bolgar*, болгарин и указывает на переходные связующие формы *Bileres* у Плано Карпини; *Byler* у Vine, de Beauvais; *terra Bular* у безымянного нотариуса короля Белы; от первоначального *болярин* позднейшее *боярин*. Шафарик производит греческое *βοῖλάδες*, *βοῖλάδες*, от финно-уральского *boilas*, *bulias*, *collect. boilad*, *buljad*; срвн. аварское *beled-proceres*. К славянам оно перешло в двоякой форме:

² Йоль – языческий праздник в честь зимнего солнцестояния, «поворота зимы» – увеличения продолжительности светового дня. Отсюда и славянские «колядки» (от слова «коло» – поворот, оборот). – Ред.

1) *byl'*;

2) *boljarin, bojarin* древнерусск. *baarin*, откуда сокращенное средневековое латинское *Baro*.

Ни одна из этих этимологий не объясняет, каким образом германо-скандинавское *bol-jarl*, исландское *baear-menn*, народное болгарин, финно-уральское *bulias* перешли во все славянские наречия; ни почему, при болгаро-сербской форме болярин, встречаются формы: на Руси – боярин; у хорватов и хорутан – боjar, bojar, боjarин, воярин; у поляков – *bojar*; у чехов – *bojar, bojařiu*; у рагузинцев – *bojâr*; у молдаван и валахов – *un boiarin* в смысле *vir nobilis*; у мадяров – *bojar*, герой; в новогреческом языке *μπογιάρος*.

Г. Срезневский принимает для слова боярин, болярин два корня: бой – вой; боль – вель (большой, великий), как напр., два корня (свят – *sanctus* и свет – *lux*) для имени славянского божества Святовита, Световита. Но разрешает ли это толкование затруднения вопроса? и не ясно ли, что из двух корней все же один остается основным?

Я думаю, Карамзин был прав, считая форму боярин древнейшей.

Против этимологического родства греческого *βοῖλάδες, βολιάδες*, со славяно-болгарским *боляре* говорит то обстоятельство, что этим формам, равно как и финно-уральской *boilas, bulias*, недостает основной в слове *боярин, болярин* буквы *р*. Этими формами греки выражали славянское слово *быль* (*senior*). В переводном Георгии Амартоле: «Коурь (Курь) скоро посла быля своего къ нему (Дашилу), да съ честию приведууть и». В Слове о полку Игореве: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вой брата моего Ярослава съ Черниговскими *былями*». «В просторечии (в Рязанск. губ.), – замечает Снегирев, – называется *небылем* человек незначущий».

У болгар и сербов господствует исключительно форма *болярин*; на Руси формы *боярин, болярин* являются одновременно; у остальных славянских народов известны только формы *бояр, боярин*. Во всех ли славянских наречиях, за исключением болгар и сербов, слово боярин явление позднейшее, как уверяет, но без доказательств, Круг? От руси ли оно перешло к чехам, хорутанам, хорватам, рагузинцам? Если же от болгар или сербов, почему известно оно у них не под болгаро-сербской формой *болярин*!

Окончательная форма на -ин в славянских языках предполагает или существующее, или утратившееся, или воображаемое собирательное. Так *челядь* — челядин; *люд* — людин; *русь* — русин; *гридь* — гридин и т.д. Форма *боярин* предполагает первородное (утратившееся) собирательное *бояръ*; память его сохранилась в древнечешском *bujaru* — храбрый, удалый; *bujarost* — храбрость, удалство. *Bujaru* составлено из двух корней: *буй* — храбрый, безумный;; *яр, ярый*.

Как буква *γ* в новогреческом *μπογιάρος*, так буква *л* в болгаро-сербском *боляре* есть не что иное, как евфоническая вставка. Сербы говорят србин и срблин; река *Barbana* в Далмации ныне *Војана* и *Вољана* и т. д. К нам форма болярин перешла вместе с книгами Св. Писания от болгар.

Броня. «Наши брони не одно ли с шведским *brunior*?», — спрашивает Погодин. В самом деле, в средневековых германских документах встречаем слова: «*Brunea, brunia, bronía — lorica*». В древнейшем Евангелии Отфрида (нач. IX века): «*Ist uns thas girusti, Brunia alafesti*». Слово *brunia, bronía*, не имеющее корня в германских наречиях (ибо его этимология от британского *bron-mamma* более чем сомнительна), вероятно, проникло в Германию славянским путем. У чехов *břn* — панцырь; *broň* — по-польски оружие; *bronić* — защищать; у нас — *бронити* и *боронити*.

Вервь. Взятое в смысле округа слово *вервь* означает еще и ныне у крестьян Архангельской губернии поземельную меру 850 квадр. саж. Вережками и жердями мерили все в мире народы. Гейзерих делил веревкой землю. Победенная Нормандия размежевана по веревке Роллоном. Что такое: *de pratis duodecim worpal*, спрашивает Гримм. Не наше ли славянское *вервь*? срвн. «от Елизара шло пять *вервей*, а другая пять *вервей* шла от Онтонa».

Весъ. «Въ онъже аще (колийждо) градъ или *весъ* внидете, испытайте, кто в немъ достоинъ есть». *Wes* по-чешски, *wieś* по-польски, *vás* по-краински – деревня, село. Смерды-владельцы в Богемии назывались *wiesnicy*, *villani*.

Вира. Г. Срезневский указывает на хорватское *вира* — вольная оценка, вольный переход; *завирити* — обязать задатком или залогом; *веровати* — обвинять, в Записке о правах дубровницких купцов (XIII—XIV века). В самом деле, по смыслу *вира* и *вина* однозначущи в русской юридической терминологии; вместо *мыта* списки Воскр., Ник. и Соф. читают вины: «Не платить вины нивчемже». В Лавр. сп. о русских детских под 76 г.: «Они же много тяготу людемъ симъ створиша, продажами и *вирами*»; Радз. и Троицк., читают: «*винами*». «Обычай откупаться за убийство существует в Черногории и доныне, – говорит Булгарин, – это называется: послать на веру».

Напрасно, стало быть, к тому же и в ущерб самой себе относит норманнская школа слово *вира* к перешедшим будто бы к нам из Скандинавии. Карамзин указывает на шведское *ога*; но *ога* (у датчан *oge*) означает не пеню, а монету или часть денежного фунта; да и едва ли переход формы *ога* в русское *вира* будет согласен с законами строгой лингвистики. Погодин приводит германское слово *wehrgeld* (в древнегерманских памятниках *wiregildum*, *wirgildum*, *wirgildi* – *wirigelt*, *wirgelt*); но это слово не встречается ни в простой, ни в составной форме в скандинавских законах, за исключением *vereldi*. Техническое выражение древнескандинавского права для пени – *bot*; в древнешведских законах *mordgiald*, *sporgiald*. Сага Олафа Тригвасона передает русское *вира* скандинавским бое-тунг. *Вира*, если допустить ее происхождение от *германского* *wirgelt*, указала бы не на сношения Руси с норманнами, а вендских славян с германцами и Руси с балтийским Поморьем.

Волхв. У скандинавов *Alfve*. «*Се волсви* отъ востокъ приидоша во Иерусалимъ». В истории взятия Трои: «Класъ (Калхасъ): низокъ, тонокъ, чистъ, седь главою и брадою кудрявою, и *вълховъ* и кобникъ хитръ». Черноризец Храбр: «А персомъ и халдеомъ и асиреомъ звездочтение *влъшвление*, врачевание, чарования и все хытрость человека». В Супрасльской рукописи XI века: «*влъхвовате и влъхвъ*».

Вено. У Погодина от скандинавского *Vingaef*. На древнесакском *morgen gifa*. Источники польского права употребляют выражения: *dos*, *donatio propter nuptias*, *parapherna*; в польском переводе: *wiano*, *danina*, *dziedzina wzelka*, *wyprawa*. Чешское право знает *wěno* и *dziedziny wienne*. В силезском праве: *Dothalicium propter nuptias*, *quod vulgariter Wyeno nuncupatur*.

Гривна. «Что за слово гривна? – спрашивает Погодин. – Оно употребляется в разных славянских наречиях и встречается в славянском переводе Библии, но давно ли? есть ли оно в древних списках?». Воцель производит слово *гривна* от гривы, санскр. *grīwa*. В древнепольском праве *grzywna* означает марку. У литовцев: «*Griwina* – *marca*, *quae* 20 *grossos*».

Грид, *гридьба*, *гридин*. Мы находим у Круга особую статью о *гридьбе* при первых русских князьях; он производит русские *гридьба*, *гридин* от *Hirdmenn*’ов, телохранителей скандинавских конунгов.

Совершенно правильно относит г. Срезневский слово *гридь* к всеславянскому *громада*, у хорутан *грида*, означавшим собрание людей, дружину. *Гридити* — быть в сборе. Подобно князьям, города имели свою *гридь* или *гридьбу*.

«И новгородыци... идоша съ княземъ Ярославъмъ, огнищане, и *гридьба*, и купци». «Онъ же (Мстислав Ростиславич) приеха Ростову, совокупивъ ростовци и боляре, *гридьбу* и пасынки, и всю дружину, поеха къ Володимерю». *Гридь*, стало быть, то же, что стража, дружина; *гридин* от *гриди*. На Руси это древнеславянское слово отозвалось во множестве личных и местных имен: «...У Олешки да у *Гриди* у Никитиныхъ детей»; деревня *Гридинское*, *Гридское* болото, деревня *Гридино*. *Гридя* Мельников. *Гридко* Возило. У чехов в грамоте 088 г. *Grid*; под 026 *Gridon*; под 055, *Gridata*.

Коляда. Как слово *коляда*, так и обряд *колядования* существуют у всех славянских племен; этого одного уже достаточно для полного опровержения предположения Круга о происхождении *коляды* от скандинавского *Jolessen*. Круг замечает, однако же справедливо, что это слово не имеет корня в славянских языках, но заключать отсюда о его скандинавизме невозможно, не доказав предварительно: 1) что слово *коляда* и обряд *колядования* не существуют на Руси, ни у прочих славянских народов до второй половины IX века, т. е. до призвания варягов; 2) что языческий обряд *колядования*, вместе со словом *коляда*, перешел к чехам, сербам, ляхам, краинцам, хорватам и пр. или от скандинавов, или от онорманившейся руси. Слову *коляда* приискивали и другие этимологии; его приводят обыкновенно в связь с латинским *calendae*, французским *chalendes*; и действительно, нельзя не признать сходства между обрядом русских святок и языческими каландами Древнего Рима и христианскими средних веков. Между тем, уже общность обряда *колядования* у всех славянских народов указывает на источник древнее римского; выводы лингвистические подтверждают предположение г. Буслаева о следах древнейшего геродотовского предания в обрядах и повериях, справляемых на празднике *коляды*; и слово, и отчасти сам праздник от древнегреческого источника. Существенная особенность *колядования* состоит в хождении *славить*; святочных песен – в припеве *слава*. В одной из древнейших этих песен сохранился в своей первобытной форме древнегреческий припев, соответствующий нашему переводному *слава*. Я выписываю эту песню, представляющую поразительное описание древнеэллинического вакхического жертвоприношения.

За рекою за быстрою, ой калиодка
Леса стоят дремучие,
.....
В тех лесах огни горят,
Огни горят великие.
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни *калиодушки*.
В середине их старик сидит;
Он точит свой булатный нож;
Возле его козел стоит.

Теперь, что такое припев: *ой калиодка*; что такое: песни *калиодушки*? Я думаю, не что иное, как греческий припев – *ὦ μάλῃ ὀδῆ*. Известно специальное значение слова *какое*, в древнегреческом язычестве. Припев *ὦ μάλῃ ὀδῆ* отражается в названии празднества лаконской Артемиды. От греческого *ὦ καλή ὀδῆ* – наши *ой калиодка*, песни *калиодушки*; от *καλαοιδία* – общеславянское *коляда*, песнь славления.

Обел, (круглый, полный) – обло; сферическая форма – обельство, *obly* (česk.) – овалный. Зажиточные крестьяне в Мораве именовались *obilny*; в Стирии у краинцев и у хорутан *obiln* – полный.

Скот. Это слово производят обыкновенно от шведского *skatt*, сокровище, подать, плата. «Если это шведское слово, – спрашивает Каченовский, – то как оно попало и к полякам; *scotus* – *сcojес* содержал в себе $\frac{1}{24}$ часть гривны, или 2 гроша». Мы находим его и у чехов и в Силезии. Как куна от куницы, так скот от скота. Погодин замечает: «Скот, скотина, – слова русские; но есть ли малейшее указание в памятниках, песнях, языке, чтоб скотом когда-нибудь назывались у нас деньги, скотницею – казна. Так можно ли сомневаться, что в словах летописи это слово есть норманнское *skat*, а не наше». Слово *скотница*, как общеупотребительное, встречается по

несколько раз в летописи: «Повеле (Владимир) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье и яденъе, и отъ *скотъницъ* кунами». «И ту дворъ Святославль раздали на 4 части, и *скотъницъ*, бретьяницъ, и товаръ, иже бе не мочно двигнути» и пр.. У Востокова: «*Скотница* твоя по Божей благодати нескоудна есть и неистошима». На каком же основании выдавать за норманнское слово, признаваемое чисто славянским у поляков, чехов, балтийских славян? Осторожный Гримм этого не сказал.

Смерд. Протоиерей Сабинин объясняет слово *смерд* из скандинавского: «Smaerd, parvitas, res parvi momenti, homo pauci». В *Шестодн. Экс. Болг.*: «Яко же бо и *смордаа* чедь внешнеа» и пр. По всей вероятности, слово *смерд* перешло в германские языки от славян.

Тиун, тивун. Это слово, скорее сродное с древнесаксонским *ðeng* или *deing, thingus* – *minister, baro*, чем со скандинавским *rîþn* – *servus*, могло перейти к нам вместе с другими германскими (см. гл. IX) от вендских славян; Розенкампф указывает на встречающуюся в разных списках Р. Правды форму *тиен* вместо *тиун*. Слово *tywun, ciwun* сохранилось и донныне в польском языке и означает окружного начальника и воеводу.

Щяляг и стерляг. Нет сомнения, что этимологической основой нашим *щяляг* и *стерляг* служат германские *schilling* и *sterling*. Но тоже германское *schilling* находим и у польских славян под формой *szelag*. Что к нам шиллинги зашли не норманнским, а польским путем, видно ясно из летописи. Щялягами платят дань *только два ляшские племена*, радимичи и вятичи. «И въдаша (радимичи) Ольгови по *щялягу*, якоже козаромъ даху». «Они же (вятичи) реша: козаромъ по *щялягу* отъ рала даемъ». Как самая монета, так и способ взимания дани указывают на польский источник; *radlo* у поляков и чехов – *плуг*. Погодин пишет по недосмотру «щяляг радимичей и *древлян*». Древляне платили кунами. Замечание г. Куника, что «слова щяляг по фонетическим причинам нельзя производить от польского *szelag*», мне кажется тем произвольнее, что там, где Лаврентьевский список пишет *щяляг*, списки Ипат., Хлебн. и Троицк, читают: *щеляг* и *шеляг*.

В Арханг. списке летописи сказано о вятичах: «Козаромъ по *стерлягу* *отчю* отъ плуга даемъ». Слово «отчю», которое Шлецер считал необъяснимым, а Круг производил от *очага*, взято здесь в смысле *отечественного, народного* и означает *национальную* монету вятичей-ляхов.

Ябетник. У Круга: *ambaht, ambacht* – *minister*. Уже Эверс указывал на польское *gabać* – настаивать, беспокоить. Еще ближе к русскому *ябетник* чешское *gebati* – резать и поносить; польское *gebaty* – крикливый, злоязычный. В белградском прологе у Миклошича: «оклеветани быше отъ индикта *ябѣдника*».

Как видно, Круг негодовал понапрасну на Академию наук за то, что, допуская в славянском языке *греческие* слова, перешедшие к нам вследствие принятия христианской веры, *татарские* — вследствие монгольского ига, она не склонялась на убеждение, будто бы в раннейшие времена Русского государства было принято в язык одного большое количество германских слов, которые отчасти исчезли со временем, отчасти сохранились до наших дней. Приведенных г. Срезневским и мною примеров достаточно, чтобы увериться в том, что русский язык не принял от скандинавского ни *одного слова*. А в таком случае, где значение выводов Круга о влиянии норрены на наш язык, о двух языках – норманнском и славянском – в Новгороде и при дворе русских князей, о норманнском письме на Руси и т.д.?

Что о языке, то самое можно сказать и о мнимонорманнском влиянии на государственное устройство Руси. Пусть будут китайцы вместо норманнов, значение для русской истории статьи Круга от этого не изменится. В этой статье он сознает, что главным побуждением призвания варяжских князей было высокое их рождение; что древнее право новгородцев, вследствие заключенных условий, оставалось неприкосновенным; что Киев и южная Русь завоеваны варягами, почему и должно принять отличие в управлении землею, завоеванною от управления призывавшими племенами и т.д. Но в чем, в каких особенностях государственного быта

Руси проявляется норманнство завоевателей, какие норманнские учреждения перешли к нам, почему русская история не знает ни деления земли, ни ленной системы, ни гильд, ни городских общин и пр., об этом не говорится вовсе; а о Новгороде должно заметить, что до Ярослава его положение в отношении к южной Руси и варяжской династии было совершенно второстепенное, угнетенное; чему доказательством могут служить варяжская дань, установленная Олегом; две тысячи гривен, платимых от Новгорода Киеву уроком от года до года; ответ Святослава новгородцам о князе и т.д.

Из особенностей русского язычества, за исключением совершенно бесцветных примечаний к известиям Ибн-Фоцлана, Круг приводит только общее славянским племенам, не с одними норманнами, но и со многими другими языческими народами обыкновение клясться оружием; у болгар оно существует и после принятия христианства; о боготворении оружия у вендов см. *Giesebr. W. G. I. 64*; но, выписывая из текста летописи слова: «По русскому закону кляшася оружиемъ своимъ, – Круг забывает или выпускает следующие за ними, – и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотымъ богомъ». Замечательный пример исторической осторожности!

Г. Куник, допуская, что только немногие норманнские слова перешли в восточнославянский язык, считает эти слова тем более знаменательными, что они относятся к учреждениям и званиям, которые не могли существовать на Руси до основания государства; но какие это были учреждения и звания – оставлено в неизвестности, а из предполагаемых к объяснению слов указано только на два: *верста*, будто бы происходящее от шведского *gast* – покой, путевая мера; срвн. готское *rasta* – миля, германское *gast* – промежуток времени и пр., и *луда*, принадлежащее, по мнению Шегрена, к шведскому диалекту. Г. Куник писал до появления в свет сочинения г. Срезневского *Мысли об истор. р. яз.*, в котором существование слов *верста* и *луда*, при этимологическом их значении, доказано во всех славянских наречиях. К частным значениям слова *верста* в славянских языках можно прибавить *размер* вообще: «Въ коую *врѣстоу* доуша силнеишии телесе ктъ?» и *возраст*: «Се благоверный и христолюбивый князь Андрей отъ млады *версты* Христа возлюбил». *Луда* как у нас, так и у хорватов – покров; *лудити* — покрывать; срвн. *москолудство* вместо мужеложство(?) в поучении Луки Жидяты.

Из других доказательств, относящихся к вопросу о влиянии норманнов на древний быт Руси, я нахожу у г. Куника только следующие: 1) Освобождение варягами от хазарского ига полян, северян, радимичей, вятичей; ослабление хазарской державы при Святославе и Владимире. Мнение о норманнстве варягов-избавителей основано на той данной, что только одни воинственные норманны были в состоянии сломить тюркскую силу; славяне же оставались спокойными зрителями борьбы, заменившей для них хазарское иго норманнским. 2) Намек на прежние завоевания и воинственность руси (норманнской) в речи Святослава у Льва Диакона. Слова Святослава: «Погибла слава русского оружия, победившего без труда соседние народы и покорившего целые государства без кровопролития, если ныне постыдным образом сдадимся грекам» – эти слова могут относиться только к покорению норманнами славян и финнов. 3) Вера Святослава и его сподвижников в Валгаллу. Лев Диакон говорит о русском поверии, будто бы руссы, убитые в сражениях врагами, служат в аду рабами своим победителям. 4) Присутствие дев *щита* (скандинавских *skialdmeujar*) в войске Святослава; факт, будто бы засвидетельствованный следующими словами Кедрина: «При разоблачении убитых варваров (русов) греки нашли между убитыми женщин в мужской одежде; они сражались против них вместе с мужьями».

Вероятно, и сами норманисты не придают особенного значения историческим доказательствам, основанным на риторических фигурах Льва Диакона или взятым из общих мест о воинственности норманнов. К особенностям, заслуживающим внимание критики, можно отнести только народное поверье о состоянии после смерти душ русов, убитых врагами – и участие в битвах русских женщин. Что Лев Диакон плохо понял сообщенное ему о поверье руси

– очевидно; религиозная система, обрекающая на вечное замогильное рабство убитых в *сражении* врагами – немыслима; не говоря уже о словах летописи: «мертвый бо срама не имам». Рабами своим победителям после смерти могли служить только те из руси, которые отдавались в плен и – либо умирали в плену, либо были приносимы врагами в жертву чужим богам. Сами русь, по свидетельству Льва Диакона, убивали пленников над кострами, в которых сожигались их падшие воины, и г. Куник, кажется, вполне справедливо относит этот обычай к поверью, что закланый должен служить в аду рабом своему врагу. За исключением не слишком ясного намека о чем-то подобном в древней Эдде, можно утвердительно сказать, что это поверье чуждо языческим представлениям норманнов; о нем не знает и Grimm, так глубоко изучивший германскую и северную мифологию. К нам (если не отнести его к коренным славянским верованиям) оно могло перейти и от венгров, с которыми, как увидим, русь находилась в тесных связях до их переселения в закарпатские земли. Вполне согласными с известием Льва Диакона являются слова Игорева договора: «И иже помыслить отъ страны Рускиа разрушити таку любовь... да будутъ раби въ весь векъ, въ будущий». Грекам было, вероятно, известно это поверье славянских народов; для устрашения руси они казнили русских пленников.

О мифических девах щита рассказывает много невероятного Саксон Грамматик. То, что Кедрин повествует о русских женщинах X века, говорит почти теми же словами патриарх Никифор о славянских женах при императоре Ираклии в 626 году. Известно, что славяне брали жен и детей с собой в поход. Саксон Грамматик упоминает в числе участников в знаменитой Бравалльской битве о славянской амазонке Визне. Как свидетельство о воинственном духе славянских жен, предание о чешском Девине имеет значение положительного исторического факта.

В более широких против своих предшественников размерах излагает Погодин в третьей части своей книги те особенности русского исторического быта, которым он приписывает норманнское происхождение. Как финский, хазарский, греческий элемент, так и норманнский имеет в ней свое место, и место, конечно, значительное; точка опоры, стало быть, существует. Дело в том, принадлежит ли норманство в русской истории к явлениям случайным или основным?

К явлениям случайным (если бы и считать их существование вполне доказанным) отношу я норманнские браки наших князей, сообщения со Скандинавией, военную помощь от норманнов. Эти особенности – естественное последствие нашего соседства со скандинавами; они в нашей истории общи норманнам с печенегами, половцами, греками, немцами, ляхами, венграми и т. д.; сверх того, как значение, так и самый объем их крайне преувеличены. Я не могу допустить в доказательство норманнских браков наших князей основанного на одних подбозвучиях имен скандинавского происхождения Ольги, Малуши и Рогнеди. Скандинавские саги не знают о Рюрике, Олеге, Игоре, Святославе; а о Владимире, знаменитом и по всему северу прославленном Гардском династе, нигде не сказано, чтобы он состоял в родстве с норманнскими конунгами; такое молчание (при заботливости, с которою саги выводят генеалогию своих князей) тем более подозрительно, что в исчислении жен Владимира и наш летописец не знает ни шведской, ни даже варяжской княжны. Конечно, Нестор мог позабыть и даже не знать о норманнской супруге Владимира; если в числе его жен были грекия, чехия, болгарыня, – могла быть и норманнка; но от возможности до достоверности далеко; мы увидим в своем месте, что должно думать о мнимоскандинавском происхождении Аллогии, мнимой супруги Владимира.

Как у вендских славян со времен загадочного Борислава, так у русских родство между варяжским княжеским домом и северными конунгами начинается с Ярослава и Ингигерды. Олаф Святой был женат на Эстреди. Теперь, было ли супружество Ярослава с Ингигердой делом случая или следствием отношений Олафа Шведского и самого Ярослава к родственным им вендским князьям – решить мудрено; оно замечательно в нашей истории как исход-

ный пункт теснейших родственных сношений между киевскими и северными государями. При Владимире скандинавские саги знают на Руси только двух норманнов-дружинников; Сигурда и племянника его, известного Олафа Тригвасона; при Ярославе Олаф Святой ищет убежища в Киеве; Гаральд Гардред, его сводный брат, женат на дочери Ярослава Эллизифе; являются воины-промышленники Рагнвальд, Эймунд, Рагнар, Эйлиф и т.д. Как шведский Олаф отправляет своего сына Эмунда в Виндландию, так Олаф Святой поручает Ярославу и Ингигерде сына своего Магнуса; так Вальдемар, сын Кнута Лаварда и Ингебиарги, вырастает при дворе русского князя Мстислава. Скажу более; при отношениях Руси и балтийского Поморья к Скандинавии, нет сомнения, что частые браки между русинами и норманнками (и наоборот) имели место и в прежние времена; на внутренний быт словенорусского общества эти случайные союзы и сообщения со Скандинавией оказываются без влияния. Олаф Тригвасон, Магнус, Гаральд Гардред для нас иноплеменики; Эйнар называет Русь *terra incognita*; Олаф Тригвасон, являсь в сновидении Олафу Святому, укоряет его в принятии даров и владений от Ярослава, иноплеменного и неизвестного князя. Отправляя посольство в Голмгардию к Гаральду (Мстиславу Владимировичу), внуку Ингигерды, сыну английской Гиды и супругу шведской Христины, Кнут Лавард избирает в послы Видгота. Не то знают северные саги и франкские летописцы об отношениях норманнов к своим западным родичам. При сравнении этих свидетельств скандинавских и западных источников с совершенным молчанием саг и русской летописи о норманнском происхождении варяжских князей довольно неловко выводить род их из Швеции.

Увлекаясь законами исторических аналогий, Погодин приводит в подкрепление своему мнению о единоплеменности руси и норманнов военную помощь, которую русские князья получали от варягов (в его убеждении, чистых скандинавов) и отождествляет это историческое явление с тем, что нам известно об отношениях норманнов к их поселениям в Англии и во Франции. Между тем, различие очевидно. Англия и Нормандия были общескандинавским, национальным приобретением. Здесь, в землях, ими завоеванных, выселения из Скандинавии норманнских викингов не умолкают в продолжении двух с лишком столетий; по первому зову своих соотечественников норманны стремятся толпами на помощь Роллонову внуку Рихарду, против франкских королей Людовика и Лотария; скандинавские язычники помогают христианским герцогам. Дело шло о сохранении общенорманнского завоевания; о борьбе скандинавского начала с сакским или галло-франкским. Ничего подобного не видно у нас. Норманнского завоевания у нас не было; из славянских племен только некоторые восстают против варяжской династии; еще менее против небывалой варяжской руси; территориальных приобретений у нас норманнам отстаивать не приходилось. В двух греческих походах (Олега и Игоря) варяги являются союзниками руси наравне с печенегами; затем не иначе как по найму и малыми шайками. Саги знают не о наводнении Руси норманнами, а об отдельных дружинниках-наймитах в Гардарикии; такие же промышленники (иногда те же самые, напр. Олаф Тригвасон) встречаются и у вендов. Скальд Тиодольф не умолкает в похвалах Эйлифу и Гаральду за их умение вымучивать добычу и значительную по возможности плату от своих доверителей; Эймундова сага есть не что иное как развитие того же денежного чувства в большем размере. И русская летопись рассказывает об алчности варягов, которых нанимали Владимир и новгородцы: «Реша варязи Володимеру: се градъ нашъ, и мы прияхомъ е, да хотимъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривне отъ человека». «Начаша (новгородцы) скоть сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 0 гривенъ, а отъ боярь по 8 гривенъ; и приведоша варягы, вдаша имъ скоть, и совокупи Ярославъ воя многы». Все это весьма далеко от образа действий норманнов в их поселениях на западе; о случайности норманнского кондотьерства у нас знал уже и мерзебургский епископ (976—99).

Напрасно, стало быть, относит норманнская школа к мнимоскандинавскому происхождению варяжских князей то обстоятельство, что по основании государства, вследствие дружеских и родственных отношений между обоими народами, норманны будто бы не делают более

нападений на восточные славянские земли. Не говоря уже о том, что скандинавские викинги не отличались особою сентиментальностью, а в мирных сношениях с русью находили для себя несравненно более выгод (по торговле и службе), чем в отношениях враждебных, я могу указать на положительные свидетельства о норманнских набегах на словено-русские владения, на войны руси с норманнами как в первые два столетия по основании государства, так и позднее. Эрик опустошал северную Русь во времена Владимира. Новгородская летопись свидетельствует о непрерывных войнах Новгорода с шведами; на шведские набеги новгородцы отвечали русскими; в 87 году они вместе с чюдью разорили знаменитую Сигтуну на Меларском озере.

К явлениям основным можно отнести только обнаруживающие неприменные следы преобладания одной народности над другой; таких следов норманнства в русской истории не существует. О языке мы это уже заметили выше; до какой степени, будь сказано мимоходом, лингвистический вопрос существенно важен в спорном деле о происхождении Нестеровых варягов-руси, видно из упорства, с каким представители норманнского мнения (вопреки ясным до очевидности доказательствам противного) держатся своих отживших псевдоскандинавских этимологий. Еще в прошедшем 874 году по поводу мнимого происхождения всеславянской дружины от шотландского *to drug*, ирландского *drugaire*, саксонского *dragen* Погодин писал: «По-моему – все наши древние до управления, до гражданского устройства относящиеся слова суть норманнские, в чем я вижу и одно из крепких доказательств норманнского происхождения варягов-руси: бояре, тиуны, гридни, гости, смерды, люди, ябетники, верви, дума, губа, вира, ряд, скот, гривна, стяг... В мужах княжих, отроках и детских, добрых людях, дружине, рабиче, огнищанах, закупах слышится перевод. Есть исследователи, не признающие норманнства в некоторых из этих слов, и я согласен, что можно благовидно это доказывать: но в совокупности их с прочими, *бесспорными*, в согласии со всеми обстоятельствами, они или понятия к ним у нас присоединенные, представляют для меня, *кто б что ни говорил*, важное доказательство». Покуда не будет выяснено, каким образом из мнимоскандинавских слов, будто бы вошедших в русский язык, большая часть обретаётся и у прочих славянских народов, остальные же просто и без натяжек объясняются из славянских этимологий, историческая логика не может допустить норманнства в словенорусском наречии; излишним считаю оспаривать мнение и тех представителей норманнской школы, которые производят русский язык от скандинавского или находят в нем смесь скандинавского с финским.

В области права главные доказательства, на которых автор «Исследований» основывает свое мнение о влиянии норманнов на Русь, исчезают (по крайней мере для антинорманистов) вместе с мнимоскандинавским происхождением слов *боярин*, *вервь*, *гость*, *дума*, *людин*, *огнищанин*, *смерд* и т. д. Остается отысканный Струбе в Русской Правде закон о езде на чужом коне, являющий неоспоримое сходство с одинаковым законом в *Judtsche Lowbok* III. 54. «Ютландский закон, – говорит Карамзин, – *новее* Ярославова; но сие сходство доказывает, что основанием того и другого был один древнейший закон скандинавский или немецкий». Почему? Розенкампф указывает на статью в греческих правилах в Кормчей книге, еще ближе ютландской подходящую к русскому подлиннику; Тобиен полагает, что как эта, так и другие статьи о коне перешли к германцам от славян; о скандинавах в особенности должно заметить, что до XII века они не знали верховой езды. Денежные пени, суд двенадцати присяжных, испытание железом, судебные поединки существуют у всех славянских народов наравне со скандинавскими. О пенях свидетельствует Дитмар. Пеня за голову (*carutglowa*) основана, по мнению Лелевеля, на древнейшем польском и силезском праве; у чехов эта пеня именовалась *пороком*. О суде 2 граждан читаем у Богухвала; у чехов эти судьи именовались *кметами*. Мартин Галл свидетельствует о *двенадцати* советниках Болеслава I; Вельский именует их судьями. Испытание железом и водой находим у Козьмы Пражского. Ордалии существуют во всех славянских землях с наидревнейших времен. Поединков, основанных на обязанности мстить за оскорбление, нанесенное словом или действием, у нас не было; и в позднейшей Русской Правде нет сле-

дов постановлений о словесных обидах. О поединках, имевших целью оправдание или решение спорного иска, знают Ибн-Даста и Мукаддеси в X и XI столетиях; такие судебные поля общий всем славянским народам обычай. Погодин указывает на единоборство Яна усмошвеца с печенежиным; Мстислава с Редедю; подобных примеров можно найти не один и у прочих славянских народов; о единоборстве между вендом язычником и саксонцем христианином при императоре Конраде II читаем у Виппо. Я умалчиваю о баснословном единоборстве Старктера с Русином и Ляхом Васце или Вильце. Круг находит в словах Льва Диакона о русах Святослава указание на скандинавский обычай *голмганга*. Но это известие относится, конечно, не к поединкам, для которых у греков есть особое слово. Слова Льва Диакона: «И доныне тавроскифы (русь) обыкли рассуждать свои несогласия *убийством и кровью*» указывают на мирские сходки у славян, где кровь нередко лилась ручьями, как еще в позднейшие времена на польских сеймах. Ламберт Ашафенбургский представляет нам яркую картину кровавой сходки лутичей в 073 году.

О вражде между концами Новгорода, насилии и убийствах на вечах сохранилось немало свидетельств и в наших летописях.

В основных положениях и духе русского права нет и тени норманства; о древнем праве кровавой мести это обстоятельно выведено у Тобиена. Круг сознает, что многое как в Русской Правде, так и вообще в древнерусском государственном устройстве совершенно противно тому, что известно о законах и учреждениях германских племен. У всех славянских народов находим одну и ту же, в основных статьях, юридическую терминологию; те же существенные коренные отличия от германского мира в отношении к утвержденному на родовом начале праву преемства, к значению женщины, к положению рабов. Замечательно, как в нашем, так и в других славянских правах отсутствие тех изумительно разнообразных и зверских казней, о коих свидетельствует каждая строка уголовных германских законов, — не знает ни телесных наказаний, ни смертной казни.

Одного, даже поверхностного взгляда на начала русского язычества достаточно для определения разноплеменности руси и норманнов. Русские князья Олег, Игорь и их сподвижники клянутся *по русскому закону* Перуном и Волосом. По возвращении из варяжских земель Владимир ставит кумиры Перуну, Хорсу, Симарглу, Мокошю, Дажьбогу и Стрибогу. Шлецер, Круг и г. Куник молчат об этих сокрушающих фактах; Погодин решается признать Перуна и Волоса скандинавскими божествами.

Летосчисление у всех славянских народов начинается с марта, а не с сентября, как у греков; следовательно, нет причины считать его заимствованным у норманнов.

Об одежде руси сохранилось любопытное известие у арабского писателя начальных годов X века Ибн-Даста: «Шалвары носят они (русь) широкие; сто локтей материи идет на каждый. Надевая такие шалвары, собирают они их в сборки у колен, к которым затем и привязывают». О норманнах известно, что они носили узкое исподнее платье, какое и видим на рисунках ковра герцогини Матильды.

Я не продолжаю этого утомительного разбора; как русский язык, русское право и религия, так и народные обычаи, действия первых князей, военное дело, торговля и пр. совершенно свободны от влияния норманнского. Многие из мнимоскандинавских частных русского быта будут для нас еще и впредь предметом дальнейших, отдельных замечаний; общие места и произвольные выводы не требуют опровержения. Впрочем, что наша история в общем значении не допускает влияния норманнского начала на внутренний организм Руси, это сознает и сам автор «Исследований»: «У нас, — говорит он, — нет решительно ни одного характеристического явления западных историй, по крайней мере, в том виде; нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы».

Отсутствие следов норманнского влияния на Русь не объясняется различием призвания от завоевания; допускать основой государства у нас *любовь*, тогда как на западе ему поло-

жена *ненависть*, несообразно с понятиями европейских народов IX века. «Очевидно, – говорит г. Куник, — что дикие, грубые воины, каковы были норманны 844 и 866 годов, не могли (несмотря на заключенные условия) оставаться долго друзьями и защитниками славян и финнов». Но, допустив предположение Погодина, устранив еще и всем уже известные возражения против призвания враждебного норманнского племени, мы все-таки вправе спросить: почему норманнство не отозвалось в южной Киевской Руси? Киев не призывал варягов; норманнам следовало бы завоевать южную Русь. «Олег принят в Киеве без сопротивления», – говорит г. Погодин. Почему? какое было дело киевлянам до Олега, до варяжских князей (если они были норманны), до рода и до княжества Игоря? «Чувство, так сказать, призвания оставалось при виде этой беспрекословной покорности, которой обезоружено было даже зверство норманнов». Вследствие какой исторической логики беспрекословная покорность славянского народонаселения выражается, вместо восприятия, отсутствием норманнского влияния на Русь? И где данные, служащие основой подобной характеристике славянских народностей? Оставляя без ответа невинные мечтания исследователей, созидающих на свидетельстве Феофилакта о трех славянских гусярах, какой-то идиллический славянский мир, в котором волынка заступает место меча, я обращаю внимание читателей на особую, характеристическую черту всех славянских народов, подмеченную как византийскими, так и западными летописцами, а именно на непреодолимую любовь славянского племени к независимости.

Покорение, или вернее истребление горсти вендских славян, брошенных судьбой между германскими племенами с одной, скандинавскими и Польшей с другой стороны, стоило германо-скандинавским народам четырехсотлетних кровавых усилий; что эти усилия не всегда были удачны, об этом знают и северные саги, и немецкие летописцы. История чехов, сербов, хорутан свидетельствует о непрерывной борьбе их с германскими и иными народами. Или восточная отрасль славянского племени проникнута особым духом миролюбия? На севере изгнание варягов, их избиение при Ярославе (чувство призвания здесь, видно, не оставалось), вековые войны с шведами, победы Александра Невского; на юге воины полочан, древлян, уличей с Аскольдом; восьмидесятилетняя борьба древлян с Олегом, Игорем, Святославом; северяне побеждены Олегом; с уличами и тиверцами он ратует; вятичи и радимичи окончательно покорены только при Владимире. Где же тут беспрекословная покорность? где отсутствие завоевания? Впрочем, по мере надобности, норманнская школа изменяет свои положения. Шлецер принимает поочередно призвание и завоевание; Круг думает, что в землях, покоренных первыми Рюриковичами, норманны действовали в роде Кнутовых датчан в Англии. И об этом враждебном столкновении двух разноплеменных народностей, славянской и скандинавской, не сохранилось бы и намек у Нестора? ни следа в народной жизни, в преданиях? Об аварском иге в VII, о хазарской дани в IX столетиях свидетельствуют и летопись, и сказания, и народные пословицы; а иго норманнское, сопровождаемое всеми ужасами подобных явлений на Западе, прошло незаметно для народа, незаметно для летописи? Пусть сравнят варяжское завоевание у нас с германскими завоеваниями в земле прибалтийских славян; летопись Нестора с известиями Эйнгарда, Дитмара, Гельмольда; народные русские песни и Слово о полку Игореве с поэмами кралодворской рукописи!

В последнее время стали искать согласования этих исторических невозможностей в немедленном слиянии обоих начал или, лучше сказать, в поглощении норманнского элемента славянским. В IX веке, думает г. Соловьев, национальности германских и славянских племен еще не выработались, а потому и не могло быть и сильных национальных отвращений; поклонник Тора так легко становился поклонником Перуна, потому что различие было только в названиях и т.д. Г. Ламбин полагает, что горсть иноплеменной варяжской руси переродилась в славян еще при жизни Олега; сам Олег, утверждая в 907 году договор с греками, по всей вероятности, не для виду только, не притворно, а уже сознательно и по убеждению клялся Перуном и Волосом как своими богами. Г. Куник в дополнениях к «Каспию» г. Дорна также

не признает антагонизма между норманнской и славянской народностями в IX—X веке; норманны, говорит он, уже вследствие незначительного своего числа и по недостатку норманнских женщин рано стали сливаться с туземным элементом и во втором поколении, вероятно, лучше говорили по-славянски, чем по-шведски.

Конечно, малочисленность сподвижников Рюрика, отсутствие всяких следов норманнского влияния на внутренний быт Руси, преобладание туземного славянского начала над занесенным из-за моря варяжским – исторические факты, в действительности которых, при современном положении науки, уже не позволено сомневаться; между тем, едва ли можно признать удовлетворительными приводимые им, с точки зрения норманнской теории, объяснения. Антагонизм народностей не изобретение новейших времен: о язычниках саксах, о норманнах, опустошавших прибрежные германские земли, франкские летописцы никогда не отзываются с той ненавистью и высокомерием, как о славянах. Олеговым норманнам в 88 году не было никакого следа обращаться с покоренными полянами, радимичами и пр. иным образом, как в 896 норманны Рольфа обращаются с покоренной Неустрией. Становясь поклонниками Перуна и Волоса, норманнские конунги тем самым отрекались от своих родословных; Инглинги вели свой род от Одина. Еще в конце X века человеческие жертвы были в полной силе у киевской руси; победоносные норманны не согласились бы приносить чужим богам, давно уже вышедшие у них из употребления человеческие (на собственных их детей падавшие) жертвоприношения. Вообще промена одного язычества на другое не знает никакая история. «В Нормандии, – говорит г. Куник, – норманны чрезвычайно скоро разучились своему языку». Этого нельзя сказать положительно; современные хроники о норманнах в Нормандии писаны не как наши на туземном наречии, а на латинском, все национальные идиотизмы сглаживающем языке. Вильгельм I герцог нормандский посылал своего сына Рихарда в Байё для изучения скандинавского языка. Вследствие принятия христианской веры и под влиянием подавлявшей их своим превосходством галло-франкской цивилизации норманны со временем отказались и от своих обычаев и от своего языка; зато силою навязали и свои новые обычаи, и свой новый язык стоявшим на низшей против них степени образования британцам.

Ни в каком случае норманнская школа не выиграет от данного ей старому делу нового оборота; принимая быстрое поглощение скандинавского элемента славянским, она должна вслед за тем отказаться от всего, что до сих пор составляло ее мнимую силу. Ибо какой смысл имеют для совершенно ославянившейся руси 950 года норманнские названия днепровских порогов у Константина Багрянородного? О каких норманнах-русах говорит в 958 году Лиутпранд, если русь Игоря и Святослава давно уже позабыла о своем норманнском происхождении, поклонялась Перуну и Волосу, говорила не норреной, а чистым словено-русским наречием? Какого норманна-русина приводит в противоположность покоренному славянину Русская Правда около 1020 года? Значение этих свидетельств в вопросе о скандинавском происхождении руси обуславливается прежде всего полным отчуждением до половины XI столетия норманнского элемента от славянского; при новой теории о быстром слиянии обоих начал норманнская школа теряет свои (по-видимому) надежнейшие точки опоры. Это сознавал, кажется, и г. Куник, когда (не отрекаясь, однако же, от прежде им сказанного) он писал: «Не к слишком ли раннему времени мы отнесли окончательное слияние варяго-руси со славянами и не более ли правдивым будет мнение М.П. Погодина?»

Не одна история, – наука, действующая с математической определенностью, – нумизматика представляет со своей стороны веское доказательство против мнения о норманнстве варягов.

До 847 года монеты англо-саксонские и германской империи найдены в России вместе с куфическими только в двух кладах: 264 англосаксонских Кнута, Этельреда и других королей в Ораниенбургском уезде С.-Петербургской губернии и серебряные немецкие деньги императоров Оттона II, Оттона III и Гейнриха близ города Владимира на Клязьме; сверх того, одна англо-

саксонская монета 040—066 гг. в Псковской губернии близ города Холма. В кладах, отрытых после 847 года в С.-Петербургской, Псковской, Московской, Владимирской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Пермской губерниях, найдено еще несколько немецких и англосаксонских монет, но всегда, замечает г. Кёне, не в большем числе. В южной России их не найдено почти вовсе. Напротив, «в наших *остзейских провинциях*, в Швеции, Дании и Германии, они (т. е. англосаксонские и немецкие монеты) находятся вместе с куфическими, по крайней мере, в четвертой части всех найденных кладов».

Откуда это различие между русскими и остзейскими губерниями? это сходство в составе кладов остзейских губерний и кладов, находимых в Швеции, Дании, Германии?

По всей вероятности, Эстляндия завоевана северными викингами в начале X века; Аландские острова и Лифляндия еще прежде. О раннем поселении норманнов в этих землях свидетельствуют, кроме саг и исторических известий, влияние шведского на финский и эстский языки, существование шведского наречия на островах эстляндского Поморья, явное физическое отличие между потомками шведов и эстов на острове Куноё, наконец, *языческие* шведские названия разных местностей в остзейских землях; явления, будь сказано мимоходом, которым следовало бы проявиться и у нас, если бы государство было основано норманнами. Здесь, стало быть, в этих прибалтийских землях норманны были у себя дома; здесь они селились, жили, и по этому состав кладов, находимых в остзейских губерниях, представляет те самые особенности, какие встречаем в кладах, вырываемых в самой Скандинавии; вместе с арабскими диргемами, монетами, приобретенными путем восточной торговли, встречаются во всех кладах и монеты западные, англосаксонские, свидетельствующие о постоянной связи с норманнскими поселениями в Англии. У нас этого явления нет или оно очень редко и встречается только в малых размерах, потому что норманны в Руси не селились, а только проезжали через Русь для торговли; за пушной и иной товар они получали плату арабскими диргемами; такими же диргемами платили им, вероятно, и русские князья, у которых они состояли на службе; иногда вместо серебра они брали жалованье соболями и бобровыми мехами; сами же в крайне редких случаях платили англосаксонскими монетами. Общее заключение: там где присутствие норманнов как поселенцев исторически доказано (т.е. в остзейских губерниях), англосаксонские монеты составляют неперемнную принадлежность всех кладов, как в Швеции, Дании, Германии; в России, где они были только гостями, англосаксонских монет почти не находят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.